

Владимир ЧЕРНЕЦКИЙ

**САМАЯ
ПЕРВАЯ
ВЛАСТЬ**

1993г.

1. Страсти по Конституции

«Многие солдаты, по-видимому, принимали конституцию за
жену Константина»
Э. Лависс, А. Рамбо,
«Всемирная история», из главы о восстании декабристов

При первых же попытках осмыслить весенне-летние битвы 93-го года в российском «конституционном поле» сознание быстро заполняется отпечатками событий самого различного калибра. В голове перемешиваются великие откровения тех, кто в прежние века действительно созидал государства, с нынешними склоками придворных юристов. Версаль соседствует Ново-Огарево, Веймар — с Архангельским, Эро де Сешель, Эберт и отцы-пилигримы — с Алексеевым, Румянцевым и Конституционным совещанием. Рациональная европейская основа никак не желает образовывать прочную ткань с хитрованским российским утком. Радио-теле-газетные рассуждения о легитимизме и парламентаризме мирно сосуществуют с почти полным равнодушием граждан к проблемам государственного строительства.

То, что жизнь без конституций возможна отнюдь не только в пещерах, известно почти всем. Прошло уже несколько десятков лет, как развалилась крупнейшая в истории человечества империя — Британская, и никто в Англии так до сих пор и не озаботился проблемой создания нового «основного закона». Впрочем, там и старого никогда не было, но, например, знаменитый Habeas Corpus Act, принятый во времена, когда Русь управлялась еще по системе местничества, охранял и охраняет личность каждого англичанина существенно надежнее четырех советских конституций вместе взятых. Симбиоз хорошо кодифицированного при Николае I российского законодательства с великими реформами Александра II дал России уже к концу прошлого века систему права куда более близкую к европейской, чем наша нынешняя. Опять-таки без конституции.

В то же время Гитлер не отменял конституцию Веймарской республики и даже не вносил туда поправок, а на наше многострадальное отечество в нынешнем веке обрушился настоящий конституционный сель. Итоги деятельности нацистских и коммунистических законников хорошо известны. Так, может, ну ее, конституцию?

Кстати, конституционные установления неоднократно попирались в самых разных странах, причем вовсе не одиозными режимами. В мае 1814 года в Норвегии была принята конституция, причем уникально демократическим, просто диковинным для того времени способом - Учредительным собранием, которое избрало короля. А уже в октябре того же года стортинг «снимает» монарха и возводит на престол короля соседней Швеции.

В 1855 г. Учредительным собранием в Испании была принята монархическая конституция. Через 13 лет королеву прогнали, созвали собрание, и оно снова проголосовало за монархию, поручив правительству подыскать короля на стороне. Не без труда нашли монарха в Италии, но через три года его опять свергли. Новое Учредительное собрание, наученное горьким опытом, провозгласило республику и приняло, конечно, соответствующую конституцию. Но не тут-то было: последовало два подряд военных переворота и уже в 1874 году испанцы опять под королем, на этот раз под своим. И это менее, чем за 20 лет!

Начиная с 1789 года, Франция пережила пять революций, шесть Учредительных собраний и пять референдумов по принятию новых конституций, каковых было принято всего на круг восемь. И вот, после такого двухвекового революционно-правового смерча, несколько лет назад скромный любитель музыки из провинциального Мюлуза обнаружил в архивах, что еще Людовиком XIV (16431—1715) был издан ордонанс, согласно которому за некие заслуги местный оперный театр подлежал переводу на казенное содержание. Дотошный исследователь обратил внимание на то, что срок действия

королевского благоволения не был указан и, набравшись решимости, потребовал от президента Ф. Миттерана возобновить финансирование, навсегда прекращенное первой же революцией. Смешно подумать — оснований для отказа не нашлось. Разумные уложения человеческой жизни, помноженные на правовую культуру гражданского общества, переживают и Революции, и Конституанты, и Конституции.

Конституции отнюдь не призваны переворачивать людскую жизнь, отменять прежние законы, стимулировать некое принципиально новое правотворчество. Они касаются лишь некоторых (хотя и важнейших) сторон социально-политического бытия и не могут являться основой всех законов, регулирующих жизнь человека в обществе. Эти законы рождаются из многотрудного опыта созидания и общения, из тонкого взаимодействия традиций конкретного общества с фундаментом классического права и искусством собственных законодателей. Понятие «основной закон» отсутствует в большинстве европейских языков; его нет и в русском, если, конечно, не считать таковым советский волапук. У нас же до сей поры даже некоторые юристы убеждены в том, что по принятии новой конституции придется переделывать все законодательство целиком.

Сама постановка вопроса о соответствии Конституции (только лишь) того или иного действия, указа, приказа или закона глубоко порочна и с головой выдает ужасающую юридическую безграмотность наших правоведов. Ибо все осуществляемое кем-либо должно находиться в полном соответствии со всей совокупностью законов, как принято говорить, с действующим законодательством, лишь малую толику которого составляет Конституция. В сущности, она — не более, чем закон о том, как должна быть построена и ограничена государственная власть, чтобы с ее стороны было максимально трудно ущемить основные права человека. Хотя бы : поэтому нелепо ожидать от новых конституций снижения преступности, роста производства или послаблений при попытке получить кусок земли. Все эти вопросы решаются в рамках обычного права и законодатель

обеспечивает возможность решения принятием соответствующих законов. Если для этого нужны поправки к Конституции, он принимает и их — мы хорошо знаем, как просто это делается. Мы постоянно обязаны помнить, что подавляющее большинство наших больших и малых проблем не имеют никакого отношения к конституционному праву. Парадоксальность ситуации заключается в том, что мудрые российские люди это всегда хорошо знали и, потому интересовались, к примеру, Конституционным совещанием только тогда, когда там назревал или возникал какой-либо скандал. И это суть проявления высокой степени гражданской зрелости, прямой укор власть предержащим. Последние оказались много ниже собственного народа, сначала пытаюсь на референдуме узнать, уважает ли он их, и, не получив никакого ответа, вместо управления страной затеяв игру в конституционный крыловский квартет. А вы, друзья, как не садитесь...

Из сказанного пора делать вывод, что автор ратует за дальнейшую жизнь по родной латанной перелатанной брежневской конституции. Нет, не так — человек живет вообще не по конституции, а по законам и хоть немного по совести. Чтобы преодолевать невзгоды и добиваться своих целей, люди объединяют усилия — так создается гражданское общество, и оно тоже живет по обычным законам, редко вспоминая о конституциях. По ней должен жить лишь один социальный субъект — государство. Но именно государство, то есть сформированная народом система учреждений, безусловно и полностью ему подчиненная, и существующая исключительно для обеспечения его основных прав. Для того, чтобы эта система постепенно не превратилась в обширную группу лиц, использующих свои полномочия лишь для самообеспечения, вырабатывается жесткая совокупность правил, по которым она функционирует. Это и есть конституция.

Работник, нанимаемый фирмой, заключает трудовой договор, один из главных пунктов которого — безусловное выполнение устава, положения или какого-либо иного

норматива, выработанного **самой фирмой** для обеспечения максимальной эффективности своей деятельности. И если мы относим себя к европейской цивилизации, которая признает государство не более чем наемным работником суверена — народа, то мы обязаны, наконец, раз навсегда ответить себе, КТО и для КОГО создает правила игры. Народ пишет для государства конституцию, которое оно обязано соблюдать, или государство сочиняет для себя, для своего удобного существования переплетенный томик шпаргалок?

Российская традиция, к сожалению, такова, что государство у нас до сих пор многими признается независимым от народа властвующим субъектом, более того, субъектом, формирующим и опекающим общество. На государство как на кормильца, на помощника в повседневной жизни, даже как на спасителя смотрят еще очень многие. А, следовательно, воспринимают его не как слугу, а как властелина. Если бы такой взгляд был безраздельно господствующим, никаких шансов на правовое государство мы бы не имели. Но сдвиги в российской ментальности за последние пять-семь лет оказались столь велики и необратимы, что религиозное отношение к государству воспринимается ныне среди истеблишмента как признак политического аутсайдерства. Правда, эксплуатировать рудименты такого отношения, присущие в той или иной мере чуть ли не каждому, нынешняя власть умеет. Кого, например, особо шокирует тот факт, что из двух проектов Конституции один открыто и официально подается как президентский, а другой, столь же открыто и не менее официально, как парламентский? А ведь это дикий нонсенс — народные избранники (в том числе президент) сами пытаются сочинить для себя правила, когда ни один избиратель их на это не уполномочил! Интересно и характерно, что многие из них склоняются к тому, чтобы самим же эти правила и утвердить.

Печальна судьба конституций, принятых в революционной спешке, хуже того — печальна судьба тех народов, которые такое допускают. В 1804 году референдумом был утвержден конституционный акт, в котором Наполеон провозглашался

«императором французов во имя славы и благоденствия республики». Прочтя несколько раз заключенное в последние кавычки, легко воочию убедиться, до какой степени обольванивания могут довести народ те, кому «нет альтернативы». И это даже при несомненном величии фигуры Наполеона Бонапарта.

Учредительное Собрание в охваченной революцией Германии невозможно было созвать не только в столице, но и в любом крупном городе. Как удалось провести в него выборы в разгар голодной и холодной зимы, известно одному лишь Богу. Даже просто продержаться в относительно тихом Веймаре с февраля по июль 1919 г. было нелегкой задачей. Новую, республиканскую германскую Конституцию удалось-таки принять.

Судьба наполеоновской империи и веймарской республики известна каждому школьнику.

Начиная где-то с конца 89-го, мы живем в страшной спешке. Под откос летят прежние привычки, традиции, законы, государства, наконец, сами люди. Масштабы событий этого времени таковы, что хватило бы на несколько революций. Это слово мы боимся вводить в обиход по вполне понятным причинам, но за боязнь слов недолго упустить суть и проиграть страну или то, что от нее осталось.

Без государства жить нельзя. Государство, в котором мы жили в 85-м, исчезло. Нет ни той территории, ни, что важнее, тех порядков.

Нет вообще никаких порядков, нет НИКАКОГО государства. Ни сакрального, ни социального.

Это не набор аксиом, в которые нужно поверить, чтобы начать организовывать будущую жизнь. Это теоремы, доказанные самой жизнью. Той самой жизнью, в которой Архангельск заявляет, что из законов, сочиненных в Москве, он будет признавать лишь те, которые сочтет пригодными, а Верховный Суд России, запрещая выборы столичного мэра,

ссылается на несуществующую правовую норму. Кто видит в этом не просто произвол чиновников, но отсутствие самой государственности, тот, по логике вещей, должен немедленно начать строить государство, ибо в той местности, где оно долго отсутствует, в конце концов начинают стрелять. И это -точно аксиома.

Тому, кто понимает, что создавать государство надо самим гражданам, но, не зная, с чего начать, готов смириться с тем, что сейчас на этом попритце работают следующие добровольцы из Кремля и с Пресни, приведу цитату из монографии проф. С.С.Алексеева (бывш. глава Комитета Конституционного надзора СССР, ныне — главный советник Президента по вопросам конституционной реформы) «Проблемы теории государства и права», изданной в декабре 1987г.: *«Государственная власть — это разновидность социальной власти, имеющая классово-волевой характер, воплощающаяся в государственных институтах и предназначенная для организованного принуждения в эксплуататорском обществе и для революционных преобразований общественных отношений в эпоху перехода от капитализма к коммунизму»...*

Вряд ли маститый ученый на склоне лет столь кардинально изменил взгляды на предмет своей профессиональной деятельности, что обнаружил выход из этой унылой альтернативы. А значит, либо организованное принуждение, либо коммунизм. Выбирайте, господа.

2. С чего начинается государство?

«Конституция не есть произведение учрежденной власти,
но власти учредительной»

Сийес

Марксистская диалектика, отвечая на фундаментальные вопросы бытия при помощи топора, приучила нас, в конце концов, к неспешности в выводах и к взвешенности в суждениях. Теперь редко прямо говорят, что, мол, эта программа хороша, а та совсем не годится. В моде центризм, понимаемый как

отсутствие определенного мнения. На вопрос, что было раньше, курица или яйцо, люди отвечают, что науке это неизвестно, либо отмахиваются. Например, если вы спросите у г-на О. Румянцева, что чем определяется, государство гражданским обществом или наоборот, то вас сначала заподозрят в анархизме, потом вы услышите, что гражданское общество, конечно, главней, но последний писк современного государствоведения состоит в том, что государство есть часть гражданского общества. Дело кончится тем, что в проекте Конституции (то есть закона для государства) вам пропишут главу «Гражданское общество». Ни дать, ни взять, диалектика!

Неспроста прямого ответа на вопрос о курице и яйце больше всех боялись не консервативные биологи, а профессиональные государствоведы к востоку от Карпат. И в своей бессмертной борьбе с буржуазной генетикой они добились большего, чем желали— и по сей день у нас мало кто знает, что еще более ста лет великий Август Вейсман дал исчерпывающий ответ на вековечный вопрос — яйцо! Не квохчущая курица — государство суть основа жизни, а безмолвное яйцо-винтик. В нем, невзрачном, заключена не только ближайшая курица, но и все будущие. Воистину, борьба Корифея Всех Наук с вейсманизмом имела глубочайший и перспективнейший смысл. Ибо выходило по Вейсману, что урюпинский колхозник и мценский токарь главней московских секретарей и председателей. Точнее, могло так выйти, если выгнали б вдруг аналогии и фантазии, каковые в российском мозгу всегда возникли запросто. Поэтому совершенно закономерно все вейсманисты объявлялись врагами диктатуры пролетариата. Яйца курицу не учат; государство — это я (на худой конец, мы), все остальные— винтики.

Отголоски этой последней, мягко говоря, архаичной мысли, слышны и теперь. И нам еще долго не освободиться от них, если будем послушно внимать дежурным пахарям конституционного поля. Создавая новую власть для собственного удобства, они, как и в прежние времена, ссылаются и будут ссылаться на народ- господин, народ-суверен, которому принадлежит вся

полнота власти. А мы будем верить и оплачивать их удобства и хорошо бы только деньгами, а то ведь и свободой.

На самом деле, с происхождением власти, с фундаментом, на котором она вырастает, да и с первыми ее шагами, дело обстоит очень непросто. Во всяком случае, многочисленные публикации последнего времени на эту тему и вокруг с головой выдают авторов, которые мало что могут выдать из себя кроме преклонения перед его величеством народом. Где источник, кто восприемник? Нас учили, что сначала — восставший пролетариат, потом партия, а там, глядишь, и любая кухарка. Теперь про это вспоминать неловко (хотя нынешние специалисты — это наши вчерашние учителя), и возникла временная неясность — то ли начнет Съезд народных депутатов, то ли «всенародно избранный, подтвердивший свою легитивность на референдуме». Вспоминается первая строчка одного из стихов конца сороковых годов: «Вначале было ленинское слово...» То ли опять референдум? А за что голосовать? А если ничего не выберут? Как бы объехать неудобный народ?

И самое главное: как создать устойчивое новое на дымящихся руинах старого?

Опыт семнадцатого года признан неудачным, 1613-й был давно и разница огромна — тогда воссоздавали государственность, а теперь надобно все заново.

На протяжении веков государства зачинались многими и поразному.

Гениальный афоризм св. Павла из 13-го стиха послания римлянам «Несть бо власть, аще не от Бога» на протяжении более чем полутора тысячелетий обеспечивал созидание сотен государств христианской цивилизации. Апеллируя к нему, объезжали не только свой народ, но когда хватало сил, то и соседние. Государства стабилизировались по мере того, как сила аргументов в виде законов доказывала свое превосходство над аргументами силы, но никому не приходило в голову, что

возможен иной источник власти, кроме Всевышнего.

Эпоха Возрождения очень сильно секуляризовала сознание людей, однако все ее естественнонаучные, философские и эстетические открытия не поставили под сомнение неземное происхождение власти. Величайший из сонма великих Ренессанса — Мартин Лютер, дерзнув отлучить от Церкви самого папу, многократно проклял вождя крестьянской войны Мюнцера за его покушение на установленный божественный порядок. Венец Возрождения — многолетняя и победоносная борьба народа Нидерландов за свободу против могущественнейшей мировой державы велась только под эгидой собственного понимания Бога. Отстаивалось право исповедовать свою религию, государственная же независимость фактически оказалась хоть и неизбежным, но побочным эффектом. И уж конечно, не экономические трудности подняли маленький народ против стократно превосходящего противника — из-за высоких налогов не восходят на костер целыми семьями с пением псалмов. Принц Оранский низложил Филиппа II как антихриста, республика Соединенных провинций была объявлена, разумеется, «Божьей милостью», да и во главе ее встало лицо королевских кровей.

Интересно, что принимая как проводников Божественного провидения, средневековое сознание в то же время не отторгает и республиканскую идею. Последняя вовсе не воспринимается как антитеза первичности воли Всевышнего, хотя, конечно, персонифицированное выражение Его устремлений в виде христианнейшего короля или базилевса значительно более доступно для человека того времени. И республиканская форма правления, в конечном итоге, не приживается в средневековой Европе нигде, кроме Швейцарии. Да и в более поздние времена монархии остаются ближе людям. В 1875 году во Франции после десятилетий кровавых революций, наконец навсегда утверждается республика — и это лишь третья (после Швейцарии и Сан-Марино) республика на континенте. Те же голландцы к тому времени уже успели предпочесть короля.

Поучительную привязку республиканского правления к Богу как к источнику власти можно наблюдать в древнем Новгороде. Бойрская представительная власть в виде «трехсот золотых поясов» — собрания наиболее видных горожан — возглавлялась архиепископом, что подчеркивало ее неземное происхождение. Однако более простые и понятные московские порядки возобладали, в конце концов, и здесь.

В ноябре 1620 года впервые в христианской цивилизации небольшая группа самых обыкновенных людей во главе с бывшим почтмейстером оказались в ситуации, в которой им для себя самих предстояло абсолютно на пустом месте выработать основы государственного устройства. Среди них не было ни одного даже отдаленного родственника хотя бы самого захудалого короля. Выдать себя за заместителя Бога на земле было, таким образом, некому. Но все они были твердо убеждены в том, что действиями каждого из них непосредственно руководит Господь, пославший их создать Новый Ханаан вдали от захваченного антихристом Старого Света. И они блистательно исполнили возложенную на них миссию.

В США лишь единицам специалистов известно, что колонизация территории, на которой ныне расположена страна, началась в 1585 году, когда Уолтер Рэли, один из фаворитов Елизаветы Английской, выполняя ее задание, основал колонию поселенцев на острове Роанок (зал. Албемарл, штат Сев. Каролина). Через несколько лет все колонисты погибли, но, казалось бы, тем больше оснований в память об отважных пионерах считать годом основания страны именно 1585-й. Некоторые американцы полагают, что этого не сделано ввиду неудачности попытки. Такое мнение, однако, легко опровергается. В 1607 г. Лондонская акционерная компания, действуя по указу преемника Елизаветы Якова I, основала на американском побережье форт Джемстаун. Колония, преодолев огромные трудности, выжила и дала начало Виргинии — исторически первому североамериканскому штату. Об этом, конечно, известно очень многим американцам, но какие-либо национальные праздники в честь этого события в календаре

отсутствуют. Соседняя Канада стала французским генерал-губернаторством еще в 1541 г., однако соответствующей торжественной даты нет даже во франкоязычном Квебеке.

Почему же цивилизованные североамериканцы, весьма ревниво относясь к своей недолгой истории и молодой государственности, свято оберегая традиции своих первопроходцев, пренебрегают возможностью почтить тех своих пращуров, кто **действительно** впервые освоил пустынные американские берега?

Дело здесь, конечно, не в недостатке уважения к предкам. Несравнимы, на взгляд американцев, масштабы свершений тех, кто организовывал жизнь по монаршему повелению, и тех, кто действовал совершенно самостоятельно. Праздник номер один в США — День Благодарения, его празднуют и многие канадцы. Его ежегодно отмечают с ноября 1621 г., когда пилигримы, прожив в Новой Англии год, собрали первый урожай и тем самым подвели экономическую базу под созданное ими государство, доказав его жизнеспособность и богоугодность. Собственно день их высадки на берег тоже отмечается (22 декабря, день праотцов), но не столь широко, как День Благодарения. Таким образом, отмечается не физический факт ступления ноги на новое место, но впервые в истории сознательно заключенный и эффективно сработавший общественный договор. И это случилось почти за полтора века до того, как брошюра Руссо с одноименным названием потрясла читающую Европу. *Necessity is the mother of invention* — чисто американская поговорка!

Священное для всех американцев «Соглашение на «Мэйфлауре», подписанное 8 ноября 1620 года еще в открытом океане всеми совершеннолетними колонистами — мужчинами поражает своей глубинной мудростью как само по себе, так, особенно, и в сравнении с отечественными конституционными творениями образца 1993 г. Употребляемые там понятия, такие как «всеобщее благо», «гражданский политический организм», «справедливые и одинаковые для всех законы свидетельствуют о том, что перьями пишущих действительно водил

непосредственно Всевышний, ибо все это — терминология будущего века — века Просвещения. Многие годы до этого гонимые и бедствовавшие английские еретики, не читавшие в своей жизни ничего кроме Библии, сами находили те слова, которые наши нынешние конституционалисты не могут грамотно списать с чужих текстов. Поразительно, насколько точно отцы-пилигримы формулируют как необходимость добровольного ограничения своих прав, так и необходимость системы обязанностей для выборных управителей. Когда на кону стоит жизнь, а вера в Бога одухотворяет каждый шаг, только тогда этими шагами входят в историю. Хорошо бы помнить об этом тем, кто свои конституционные симпатии выводит из совершенства нынешней американской Конституции.

Учреждение демократической американской государственности началось более чем за полтора столетия до принятия Конституции США — в этом причина ее почти неправдоподобной устойчивости. Отцы-основатели уже знали, ЧТО принимать, ибо стояли на плечах отцов-пилигримов и их потомков, которые не выжили бы ни физически, ни духовно, если не распорядились бы правильно вверенной им Богом УЧРЕДИТЕЛЬННОЙ ВЛАСТЬЮ. Они не занимались умозрительным гаданием в поисках идеального устройства и не ссылались на опыт предшественников из-за отсутствия такового. Пилигримам в самом буквальном смысле было некуда отступать. И, утвердившись в Новой Англии, они продолжали ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ работу в тех местах, где уже была заложена государственность, и УЧРЕДИТЕЛЬНУЮ работу там, где ее еще не было. Нижеследующая цитата из учредительного акта об образовании Коннектикута (1639 г.) четко показывает, что они сознательно разграничивали эти два вида правотворчества.

«... Ввиду сего мы объединяемся и вступаем в союз для образования республики и объявляем за нас, и за наших потомков, и за тех, кто пожелает к нам впоследствии присоединиться, что мы составили взаимный договор союза в целях поддержать и охранить как свободу и чистоту Евангелия

Господа Нашего Иисуса, Коего ныне исповедуем, так равно и наше церковное устройство...», а также с целью управления и упорядочения в наших гражданских делах согласно с теми законами, которые БУДУТ (курсив мой — В. Ч.) составлены, изданы, установлены...»

Учредить государство и издать для него законы — разные занятия для разных людей! И в Коннектикуте к этому пришли вовсе не случайно. Эта истина, сокрытая от наших нардепов, жаждущих где-то между двухсотым и двести первым законом принять Конституцию, хорошо известна также жителям Род-Айленда в 1641 г «... Установлено... что правление, учреждаемое на сем острове, настоящим политическим собранием, есть демократия..., что означает, что совокупности или большинству граждан, собравшихся законным образом, принадлежит право составления и издания справедливых законов...»

Таким образом, за полтора века до Конституционного Конвента в Филадельфии, за те же полтора века до клятвы Мирабо в Версале на маленьком североамериканском острове скромно и эффективно выполнило свою работу настоящее Учредительное Собрание.

Как дело начинается, так и дальше идет. Эта нехитрая житейская истина справедлива и для государственного строительства, что доказывают нам те же отцы-пилигримы. В Новой Англии, созданной ими, британская корона никогда не господствовала, не занимала существенного места в идеологии и психологии поселенцев. Конечно, периодически она напоминала о своем существовании, что-то пыталась диктовать, кого-то присылала, иногда это бывало тяжело и унижительно, но люди никогда не забывали, что живут в своем, сознательно заложенном и непрерывно созидаемом государстве. Так формировалась цивилизация янки. В южных же штатах, где государственность с самого начала была чисто британская, куда на английских кораблях земельная аристократия завозила рабов для возделывания табака и хлопка, возник совсем иной тип

цивилизации. Законодательные ассамблеи Коннектикута и Виргинии уже в ранний колониальный период различались примерно так же, как парламенты Швеции и Нигерии. Пилигримы ощущали себя избранниками Божиими, южные колонисты подданными такого избранника. В полном соответствии с предписаниями св. Павла первые созидали власть, вторые — подчинялись власти. В революционной войне с метрополией Новая Англия окончательно завоевала свободу, южные штаты — фактически получили ее за счет северян. Для янки эта свобода была и начальным условием, и высшим смыслом бытия, для южан — всего лишь некоторой экономической выгодой, в исторической перспективе, — временной.

Договор нескольких свободных людей на «Мэйфлаузере» учредил цивилизацию американского Совера и дал ей гарантию на века вперед.

Указ Якова I о даровании Лондонской компании виргинского побережья заложил основу обреченной на гибель цивилизации американского Юга.

Как посеешь, то и пожнешь. «...Согласие на **объединение в единое политическое общество...** и есть... **договор**, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в **государство** или его создающими... И именно это, и только это, дало или могло дать **начало** любому **законному** правлению в мире»
Джон Локк

При всем уважении к американским отцам-пилигримам, от них не требовалось никакой ломки вековых представлений. Никто из них и помыслить не мог о существовании какого-либо иного источника власти (в том числе и прежде всего учредительной) кроме Бога. При таком состоянии умов постройка государственного здания возможна только на территории, где власть отсутствует вообще, где кроме язычников-индейцев с луками некому отстаивать своего понимания государственности. Но нынче не XVII век, и ойкумена давно распространилась на всю сушу. К тому же

проблема коренного государственного переустройства стояла уже и в те времена. В случаях, когда это происходило при помощи иноземных захватов или при ликвидации таковых, особых вопросов не вставало: кто оказался сильнее, тот, стало быть, и является истинным транслятором Божественных установлений. При слабости межгосударственных коммуникаций определяющую роль играла этническая самоидентификация: Жанне д'Арк невозможно было усомниться в том, что по воле Бога Париж должен принадлежать французскому королю, а не английскому, хотя последний, уповая на того же самого Бога, придерживался иного мнения. Еще проще было в ситуациях борьбы с еретиками, антихристом или вообще неверными, ибо государственные установления «неправильного» Бога не могли иметь ни сакрального, ни, тем более, юридического авторитета,

В ловушку, из которой не оказалось выхода, первыми попались англичане. Казнь Карла I и провозглашение республики не могли иметь удовлетворительного религиозно-философского обоснования. И сторонники короля, и сторонники парламента жили в одной стране, верили в одного Бога, имевшего в Англии единственного заместителя. Убийство Божьего помазанника — это страшное испытание для психики добропорядочного подданного середины XVII века, но все-таки не пристрелили тайком в подвале, а судили и обезглавили публично. Кроме того, жив и здоров законный наследник. И вдруг не богоданный, а всего лишь избранный грешными людьми парламент берет на себя учредительные функции, возникает республика, лорд-протектор — да кто они все такие? К чести Кромвеля, он не пытался выдать себя за посланца Неба, а доказывал свою правоту отчасти силой (без этого и сейчас трудно, а тогда было в порядке вещей), но, главным образом, здравомыслием при управлении страной. Как известно, всего этого хватило лишь на его недолгий век. Очевидное отвержение Закона Божьего при устройстве государства не было принято англичанами. Реставрация Стюартов свершилась с неотвратимостью. Кровавая английская революция,

сопровождающаяся многолетней гражданской войной, во время которой любая из десяти заповедей была нарушена тысячи раз, не смогла преступить через учение св. Павла о власти.

С тех пор наученная горьким опытом Англия ни единого дня не жила без монарха. Возможно, и до сих пор в одной из самых совершенных демократий мира некоторые полагают единственным легитимным источником власти Божьей милостью королеву. Но видимо не случайно именно на английской земле и именно в правление восстановленного на троне Карла II Стюарта человеческий гений сделал решающий рывок в познании природы государственности, двинув понимание проблемы с уровня первого века сразу на уровень двадцатого.

Основоположник современного политического мышления великий философ Джон Локк опубликовал свои «Два трактата о государственном правлении» в 1689 г. Вряд ли в теории правового государства за последующие 300 лет было сделано больше, чем в одной этой книге. Серией блестящих, безупречно логически связанных пассажей, Локк, исходя из все того же тезиса св. Павла о власти, доказывает, что для учреждения государства достаточно свободной договоренности людей, более того он приходит и к тому, что это **необходимо**. Монархи навсегда изгоняются из сонма приближенных к Всевышнему и становятся в лучшем случае первыми среди равных, нуждаясь в полномочиях, получаемых от народа. Божественная воля транслируется монарху через народ, а не наоборот. Естественно, надобность в самом монархе также определяется народом. Господь **Сам** отдал учредительную власть народу — вот сердцевина учения Локка о природе государства.

Даже если бы Локк все это утверждал аксиоматически, то и тогда эти откровения не уступали бы по своей сенсационности и глубине открытиям Лютера и Коперника. Потрясает же то, что передача учредительной власти от Бога к народу выявляется Локком исключительно при помощи формальной логики (начиная, в буквальном смысле, от Адама), после чего идея о

необходимости разделения властей выводится как бы сама. Ибо лишь Господь всеблаг и всемогущ, а отдельный человек (в том, числе и любой монарх) корыстен, грешен, несовершенен. Народ же в целом хоть и не может претендовать на равенство с Всевышним, но в вопросах государственного строительства имеет от него вечный полномочный мандат.

Трудно сказать, в какой степени Локку был известен свежий опыт американских колонистов в области государственного строительства — из Америки в Европу до прокладки трансатлантического телеграфного кабеля доходили по большей части устаревшие факты и очень редко — идеи или результаты их воплощения. Но можно предположить, что если бы в конце XVII века теория английского философа и практика американских пионеров образовали некий симбиоз, то им можно было бы пользоваться последующим поколениям как конкретным руководством по созданию государства в самых трудных случаях — при замене новым ранее здесь же существовавшего. Но как бы там ни было, без практической проверки открытия Локка на долгое время остались достоянием лишь высшего лондонского круга, и, оказав значительное влияние на формирование в XVIII веке современной системы разделения властей в Англии, на континент не попали. Тем более, что при европейских дворах в те времена почти не знали английского.

Век Просвещения стараниями Монтескье и Руссо дал и континентальной Европе знания о сущности разделения властей и об общественном договоре как фундаментальном учредительном акте. Но во-первых, их классические труды — соответственно «О духе законов» (1748) и «Об общественном договоре» (1702) лишены логического блеска, присущего Локку, а, во-вторых, для материковой Европы философского обоснования суверенности народа было весьма недостаточно. Ибо здесь болезни сословного строя имели куда более запущенный характер, чем в Англии, которой удалось перестроить феодальное государство хоть и с немалыми жертвами, но все-таки без глобального крушения. Для остальной

Европы ее пример был мало пригоден, какой-либо иной в реальном мире отсутствовал, а создать план генеральной переделки государства на бумаге у просветителей не хватило гениальности. Короче говоря, будущие французские революционеры хорошо знали, на что они имеют природное право, у них (да уже и у большей части народа) не было особых комплексов перед христианнейшим королем, но на вопрос «А как?» ответ мог быть получен только по ходу дела. А, значит, с большой кровью.

Учреждение во Франции Первой Республики — не просто совокупность гениальных решений, находимых в критические моменты, но тот необходимый прорыв в практической организации демократического государства, без которого в последующие два века другим народам решение аналогичных проблем обошлось бы много дороже, чем это было. Показательно и то, что **универсальные** формы правопреемственного перехода от тирании к народовластию открыты человечеству не реформистскими действиями сверху, а энергией революции. У нас до сих пор большинство «обществоведов» полагает, что всякая революция создает правовой разрыв между уничтожаемой и создаваемой государственностью. И здесь они все опять выдают себя е головой, ибо это справедливо только для «социалистических» революций. При помощи своевременного реформирования власти революционных потрясений удалось избежать, увы, меньшинству европейских (да и не только) государств. Но и в тех странах, где старую государственность целиком сметали революции или войны, новая учреждалась не произвольно, а законно. Но — внимание! — не на основе затхлых законов бывшей тирании, а на основе великого Закона, открытого Локком и признанного ныне всем цивилизованным миром. Учредительная власть дана Господом народу **навсегда**, и он, народ, вправе осуществить ее в любой момент, без оглядки на те «конституционные» нормы, которые придумывали для него КПСС или НСДАП. Конкретный механизм, не дающий оснований усомниться в том, что учредительная власть действительно осуществлена народом, а не какой-либо шайкой

от его имени, был дан Великой Французской Революцией.

Для отечественных историков в штатском революция всегда была прежде всего совокупностью актов разрушения. Даже безусловно компетентный и талантливый А. З. Манфред в своем трехтомнике «История Франции» (М., «Наука», 1973), пишет: «Народное восстание 13—14 июля, завершившееся штурмом и падением Бастилии, ... и было началом революции» (стр. 12). Между тем, французские историки, воспитанные в западной правовой культуре, далеки от такого мнения, ибо полагают, в отличие от марксистов, что стихийный разгул народных масс есть бедствие для всего, в том числе и для революции. Народным учредительным актом не может быть штурм какого-либо здания.

Людовик XVI созвал Генеральные Штаты примерно с теми же, мягко говоря, умеренно реформистскими целями, с какой у нас собрали союзный и российский Съезды народных депутатов. Было избрано 250 депутатов от дворянства, 291 — от духовенства, 577— от третьего сословия. Последние оказались в большинстве (поскольку предполагалось, что решения будут приниматься посословно, это не должно было иметь никакого значения, но жизнь очень скоро распорядилась иначе), представляли более 97% населения и имели в своем составе лучшие умы нации. Такой совокупности обстоятельств как раз и хватило для того, чтобы после полутора месяцев достаточно бесплодных дискуссий депутаты от третьего сословия объявили себя Национальным Собранием. Вот это действительно революционный акт и при этом совершенно правовой. Какие могли быть возражения на то, что эти депутаты действительно представляют нацию? Во-первых, они были избраны самым демократичным способом — в выборах участвовало все мужское население старше 25 лет и внесенное в податный список. Требовать большего в XVIII веке не пришло бы в голову и самому светлому уму. Во-вторых, они предложили депутатам от двух других сословий присоединиться к ним, и тем уже некуда стало деваться — в течение десяти дней согласились абсолютно все. Вслед за тем Сийес действует прямо по Локку и

предлагает всем собравшимся объявить себя Учредительным Собранием (Convention Constituante) что и происходит 9 июля 1789 г. Теперь они, депутаты, осуществят новое государственное устройство, примут Конституцию и другие основные законы. Вот так, а не с занятия мостов и телеграфа, начинаются действительно великие революции. Самая первая власть — учредительная— переходит к народу в тысячелетней монархии без капли пролитой крови и без единого протеста со стороны самых замшелых европейских дворов.

Подчеркнем, что самым тонким моментом здесь является уверенность в абсолютной репрезентативности Собрания по отношению к народу. Проф. Н. Святицкий, близкий к эсерам, пишет в своей брошюре «Для чего созывается Учредительное Собрание» (Петроград, 1917): «Выборы в Учредительное Собрание должны быть проведены так, чтобы никто не имел права думать и говорить, что это сделано неправильно». Поэтому совершенно не важно, кто принимает закон или положение о выборах. Важно, чтобы этот нормативный акт базировался на тех электоральных принципах, которые являются на данный момент времени самыми демократическими в той цивилизации, к которой себя причисляет данная страна (в данной работе мы, по понятным причинам не выходим за рамки европейской цивилизации). В этом случае достигается максимальный уровень социального консенсуса.

Учредительное Собрание в Норвегии в 1814 году было сформировано отдельными выборами от четырех социальных субъектов (54 делегата от деревень, 26 — от городов, 28 — от армии и 4 от флота). Принятая им Эйдсвольская Конституция не вызвала в обществе никаких протестов. Даже после того, как несколько месяцев спустя Швеция силой навязала Норвегии унию под своей эгидой, конституция во всем остальном продолжала соблюдаться почти сто лет, вплоть до обретения Норвегией полной самостоятельности.,

В конце 1920 года были проведены выборы в Учредительное Собрание «Королевства сербов, хорватов и словенцев»

(Югославия). Избирательных прав были лишены женщины, армия, полиция, все неграмотные; были и иные ограничения. Каждый депутат должен был поклясться в верности династии Карагеорчевичей, а король имел право распустить Собрание в случае, если оно начнет действовать «в разрез с интересами династии». Очень скоро Собрание покинули под различными предложениями 147 из 419 делегатов. Конституцию удалось принять еле-еле (223 голоса «за»). Действовала она менее восьми лет, после чего установилась диктатура.

Выборы в самое последнее Учредительное Собрание — в Португалии в 1975 г. — проходили уже без всяких цензов, только по партийным спискам, причем было запрещено блокирование между партиями. Трудно даже вообразить, как еще более точно можно выявить соотношение политических сил в моноэтническом обществе. Принятая Конституция живет и здравствует. Сегодняшняя Португалия доказывает, что если фундамент заложен грамотно, ни у кого потом не поворачивается язык утверждать, что европейская демократия не в традициях данного народа.

Во всех этих случаях, а также, например, в послевоенных Франции и Италии, наконец, у нас в 1917 г., закон о выборах в Учредительное Собрание принимали самые различные органы временного управления, о легитимности которых даже неудобно говорить. Принимал тот, кто контролировал силовые структуры, — вот и вся недолга. Во всех случаях это были органы исполнительной власти, предназначенные к чему угодно, но уж никак не к принятию законов. Поэтому когда у нас требуют проведения выборов в Учредительное Собрание «по единственно легитимному закону 1917 года», впору схватиться за голову. Закон был очень хорош, но принят-то правительством, к тому же временным, которое не может быть наделено законодательными функциями одной лишь нашей ненавистью к большевикам.

Учредительное Собрание, будучи механизмом, при помощи которого народ осуществляет первейшую из всех властей, имеет

абсолютную легитимность. Проверять его правомерность какими-либо законами есть абсурд, ибо учредительная власть рождает законодательную, а та создает законы, любой из которых, таким образом, даже не вторичен по отношению к Собранию, а находится на третьей ступени подчинения. Всегда созываясь в условиях государственной разрухи (а если ее нет, то зачем?), то есть в ситуации революционной, оно может формироваться единственно только народной волей, максимально точное выявление которой в неоднородном социуме может быть весьма затруднено. Но это не может являться поводом для отказа от идеи Собрания, ибо в противном случае мы вынуждены признать, что учреждение новой государственности будет основано на законах функционирования старой. Учредительная власть подменяется не просто законодательной властью, но **старой законодательной властью**. Вместо создания нового государства происходит воссоздание старого под юридически нелепой эгидой «правопреемственности» власти. Именно так десятки раз-обстояло дело в латиноамериканских «демократиях» за последние полтора века. Осуществление учредительных функций" законодательными органами уже в начале века признавалось свидетельством крайней неразвитости демократических учреждений и демократического сознания...

Таким же «учредительным собранием», которое, приняв Конституцию, продолжило, как ни в чем не бывало. законотворческую деятельность, было собрание, избранное в 1945 году в Югославии. Результат такой учредительной деятельности мы видим сейчас на Балканах.

Разумеется, при осуществлении учредительной власти, в принимаемую конституцию вносят положения, закрепляющие некоторые, весьма ограниченные учредительные функции за выборной законодательной властью. Все эти функции связаны с возможностью принятия поправок к конституции парламентом. Хорошо известно, как специально затруднена эта процедура в развитых демократиях, а в некоторых и вовсе невозможна. Например, в Швейцарии или в Италии мы наблюдаем

абсолютное разделение законодательной и учредительной власти — любое изменение Конституции осуществляется референдумом. Но совершенно очевидно, что делегирование законодателю любых, даже самых малых учредительных прав может быть, осуществлено только самой учредительной властью. Мы же ныне живем в «государстве», которое никогда не учреждалось единственно законным (по Локку) путем — народом. И даже не по тому, что было разогнано Учредительное Собрание в 18-м. В принципе, любой из Съездов Советов или Верховных Советов, принимавших все четыре советские конституции, мог быть **заранее** наделен учредительными правами. Но в таком случае их пришлось бы выбирать так, как в XX веке выбирали свои учредительные органы цивилизованные страны — Франция, Италия, Португалия, да, наконец, и Россия в 17-м. Иначе сувереном вместо народа оказывается в лучшем случае пролетариат, а в худшем — КПСС, что и не скрывалось ни в одной из Конституций. Даже если признать выборы марта 90-го года соответствующими нынешним мировым демократическим стандартам (что, конечно, не так), то и в этом случае депутаты не имеют учредительных прав, так как мы выбирали отнюдь не учредительное собрание. А, следовательно, они не имеют вообще никаких прав, так как учрежденная государственность — основа прав всех ветвей власти — на территории России отсутствует. Впрочем, наши отечественные сторонники созыва Учредительного Собрания доказывают это уже три года.

История учреждения всех современных демократий, как и логика Локка, однозначно доказывает, что совершенно не важно, кто инициирует выборы в Конституанту, тем более, что организовать их сможет лишь тот орган, который реально контролирует ситуацию, в стране. Не может иметь никакого значения, кто положил первый камень и фундамент — важно как его положили. Но даже самая демократичная система выборов не гарантирует, что депутаты построят эффективное государство. Классический пример дает нам послевоенная Франция. В октябре 1945 года проводится референдум и

одновременно выборы по партийным спискам в Национальное Собрание. Вся процедура протекает по положению, разработанному Временным Правительством де Голля, и ни у одного нормального гражданина не возникает в этой связи «легитимистских» комплексов. Государства нет, его надо создавать, в выборах участвуют все совершеннолетние, любые партии. Никаких перерегистраций, никаких предварительных сборов подписей. Действительно демократические выборы. При этом власти подстраховываются референдумом, ставя на нем вопрос о том, желают ли граждане, чтобы избираемое собрание было учредительным. 96,4% этого желают, Собрание избирается, вырабатывает Конституцию, утверждает ее (309 против 249) и для верности выносит на референдум. Происходит, казалось бы, неожиданное — народ отвергает Конституцию (53% против 47) принятую Учредительным Собранием. В июне 1946-го снова избирается Конституанта, в сентябре принимает Конституцию (440 против 106), которую в октябре утверждает референдум (54% против 46). Каковы темпы?

В этой электоральной свистопляске французы демонстрируют мудрость народа, наученного многими революциями. Они отдают себе отчет в том, что четыре года оккупации и Сопrotивления в совокупности с послевоенной разрухой демонтировали привычные социальные страты. Гражданское общество дестабилизировано и радикализировано, но по мере восстановления экономики многое успокоится, усреднится, сместится к центру. Ситуация меняется с каждым месяцем — в этих условиях завтра соотношение сил в Собрании, избранном вчера, будет резко отличаться от соотношения сил в обществе. Отсюда — многократная подстраховка при осуществлении учредительной власти, причем боится не национальный герой генерал де Голль, а сам народ. Последующие годы показали, что и этого было мало. Созданное государство раз за разом демонстрировало неспособность справиться с ворохом проблем, правительственные кризисы следовали один за другим, и, наконец, война в Алжире доконала

IV Республику во Франции. Она просуществовала всего 12 лет. Это ли не урок всем тем, кто навязывает детально выписанную Конституцию стране, где большинство населения живет в нищете, количество неучтенных стволов составляет сотни тысяч, а сепаратистские настроения отсутствуют разве что в столицах?

Рассуждая в 17-м году об Учредительном Собрании, известный русский юрист-государственник проф. М. Рейснер, отмечал, что принятием Конституции народ не только «гарантирует свою свободу от произвола и тирании», не только «обнаруживает себя как организованное политическое целое», но и «юридически закрепляет соотношение социальных сил демократии собранно их удельному весу в нации».

Величие Первой Конституанты 1789-го и состоит, прежде всего, в том, что она своими законами и Конституцией отреагировала на политическое бесправие тех, кто владел 95% национального богатства. Не вина, а беда первых французских демократов, что страна их была островком в сословно-монархической Европе, и Людовику XVI было к кому обратиться за помощью. Лишь после этого полилась кровь, а первый учредительный акт был исполнен на славу. Но и потом, в кровавом 93-м, уже после казни короля Конвент (избранный заведомо как Учредительное Собрание) демонстрирует учредительскую мудрость. Принятую и одобренную плебисцитом Конституцию он не вводит в действие, понимая, что в полыхающем пожаре революции весьма трудно уловить «соотношение социальных сил демократии». И лишь в октябре 1795 года, когда начали просматриваться контуры гражданского мира, а армии интервентов были изгнаны из страны, Конвент принимает, наконец, Конституцию (понятно, сильно отличающуюся от предыдущей), объявляет амнистию по всем делам, «связанным с революцией» и распускается. Большое, как сказал поэт, видится на расстоянии. Прошло 200 лет, взгляните же, наконец, господа.

4. Кто виноват, с чего начать, что делать?

«Конституанте должна покончить с революционным состоянием» К. Бавке
«Избирательный процесс выступает против динамики революции». А. Куньял

Итак, Учредительное Собрание необходимо нашей стране вовсе не для того, чтобы, покрасовавшись перед историей, восстановить правопреемственность власти. Наши пращуры, созывая Конституанту в 17-м, совершенно игнорировали этот вопрос и правильно делали, так как твердо знали, что отправление народом учредительной власти не требует никаких обоснований (они даны, как мы знаем, еще Локком). К тому же и передача короны Николаем Михаилу, и отказ последнего от трона были совершены с нарушением закона. А что сотворили с законом в Беловежской Пуще, так и вовсе лучше не вспоминать. Таким образом, в области государственного строительства связь времен порвалась давно и в нескольких местах. Не плакать о ней надо, а как-то пытаться строить Государство Российское.

Причины, по которым и в президентском окружении, и в депутатском корпусе идея Учредительного Собрания не пользуется популярностью, весьма разнообразны. Первой хочется назвать выдающуюся философско-юридическую невежественность политической «элиты» в вопросах учреждения государственности. Само понятие учредительной власти известно, видимо, очень немногим. Во всех проектах Конституции отсутствуют даже малейшие упоминания о таковой. Три года работы Конституционной комиссии стоили не один десяток миллионов, а г-н Румянцев до сих пор намерен принимать Конституцию на Съезде народных депутатов. На истраченные деньги можно было кого-нибудь и в библиотеку послать. Президентская же администрация под влиянием г-на Алексева и вовсе впала в юридическую прострацию. Так, г-н Филатов один раз заявил, что «результаты референдума 25 апреля делегируют Президенту элементы учредительной власти», в другой же — не исключил придания

Конституционному совещанию статуса Учредительного Собрания.

За клиническим характером всех этих предложений и намерений стоят вещи вполне трезвые и здравые, среди которых самой понятной и безобидной видится боязнь утратить оклады и привилегии. Не допустить никого, кроме региональной элиты, к государственному строительству — означает сохранить контроль над колоссальной российской государственной собственностью. В случае принятия Конституции какой-нибудь и как-нибудь мы еще долго, по крайней мере, до завершения приватизации, будем свидетелями борьбы различных кланов, вышедших из рядов коммунистической номенклатуры, в формах типа «противостояния ветвей власти». Если учредительная власть не будет в полный голос затребована народом у нынешних его «слуг», мы обречены на государственность типа латиноамериканской. Материальная основа в виде мафиозно-коррупционной экономики для этого уже почти готова. Дело за немногим.

Впрочем, социально - экономическое прогнозирование не является предметом данной статьи. К тому же даже идеальная Конституция, принятая безупречно легитимным способом, не гарантирует процветания. Зато если вместо совокупности учредительных актов, разработанных и утвержденных народом, наспех проштамповывается удобная для авторов смесь декларативных банальностей и умозрительных постулатов, вот тогда катастрофа гарантирована. Ибо это не есть учреждение власти, но ее узурпация.

Мы только-только начали выползать из тоталитарного болота. Гражданское общество делает первые шаги. Страна заполонена липовыми партиями, фальшивыми биржами, фиктивными профсоюзами и подставными фондами. В подвешенном состоянии находятся фундаментальные проблемы собственности на землю, федеративного устройства, демилитаризации экономики, спасения культуры и многие другие. Жизнь меняется с каждым днем в тысячах своих

проявлений. Кто в таких условиях может знать, какое государственное устройство оптимально? Когда соотношение социальных сил непрерывно меняется, когда оно ни разу не выявлялось даже таким простым способом как выборы, кто возьмет на себя смелость закрепить его Конституцией?

Мы находимся в парадоксальной ситуации, когда очевидная необходимость форсирования государственного строительства сталкивается с невозможностью принятия основных правил его осуществления. Никакого чудодейственного выхода из нее нет и не будет. Только когда процесс институционализации гражданского общества достигнет некоего критического рубежа, за которым наметится стабилизация социальных отношений, только тогда будет принципиально разрешима проблема устойчивого государства, только тогда будет практически, а не умозрительно найден алгоритм его построения. Следовательно, необходимо, чтобы субъекты формирующегося гражданского общества постоянно требовали принятия новых **конституционных законов** для экспериментальной проверки положений будущей Конституции. Первейшими из них видятся законы о выборах президента, о выборах парламента, о разграничении полномочий между центром и субъектами федерации, о порядке формирования правительства. Если хотя бы эти четыре будут эффективно работать — можно созывать Учредительное Собрание, а до той поры, увы, придется всем ветвям власти работать в рамках действующей Конституции.

Возвращаясь к механизму осуществления учредительной власти, необходимо обратить внимание на опасную ловушку, в которую можно угодить с весьма немалой вероятностью. Есть основания полагать, что здравомыслящим общественным силам все-таки удастся удержать власти от введения Конституции в действие президентским Указом, голосованием в новом парламенте или каким-либо иным произвольным способом. Но в распоряжении наших легитимистов остается ставший уже привычным рычаг-референдум.

Отправление учредительной власти непосредственно

гражданами известно с античных времен. В небольших греческих городах-государствах прямая демократия была обычным явлением, в том числе и при решении вопросов конституционного характера. Но и в нынешние времена, когда принцип представительства господствует повсеместно, во многих демократических странах для принятия конституций или поправок к ним прибегают к всенародному голосованию. Например, таким образом, и притом в весьма спешном порядке в 1958 г. была принята во Франции Конституция Пятой Республики. Поэтому хозяйничающей ныне и в стране, и в «конституционном поле» российской исполнительной власти есть на кого сослаться, ну а искусством получать на референдуме нужный результат у нас за последние годы овладели. Казалось бы, и власти, и граждане должны быть удовлетворены: первые получают вождеденную Конституцию, а вторые — осуществляют учредительную власть простым и понятным методом прямой демократии. .

Тем не менее власти неспокойны — и требуемого количества голосов боятся не набрать, и опасаются, что всеисильные правящие элиты в республиках и иных регионах просто не будут проводить референдум, а если будут — то проигнорируют его результаты, то есть откажутся выполнять утвержденную Конституцию. Из-за отсутствия у центральных властей действенных рычагов управления регионами последнее выглядит совершенно реальным. Но даже если предположить, что никакого регионального сепаратизма нет и управляемость страной идеальная, вопрос о качестве и степени легитимности принятой на референдуме Конституции далеко не прост.

Берущая начало от Локка европейская философско-политическая традиция считает учреждение государства прежде всего договорным актом между отдельными частями суверена, то есть между людьми и их объединениями, а затем между сувереном в целом и исполнителем его воли. Попросту говоря, первое означает выработку текста Конституции, а второе — его утверждение. Поскольку на референдуме нельзя повлиять на текст Конституции каким-либо иным способом, кроме полного

отрицания, то на нем можно только одобрить или отвергнуть **полностью готовый акт**. Но совершенно очевидно, что выработка текста договора является несравненно более важной составной частью осуществления учредительной власти, нежели подписание готового акта. Соотношение приблизительно такое же, как между победоносной войной и парадом в честь победы. Отведение народу роли триумфатора-подписанта есть по сути дела почти полное отстранение его от выражения суверенной воли. Последняя же подменяется некоей равнодействующей, выведенной на мероприятиях типа Конституционного совещания или, того хуже, в келейных сговорах между властью и имущими. Парадная прямая демократия заключительного акта призвана затушевать отсутствие каких бы то ни было элементов представительной демократии в самом процессе. Очень похоже на выборы в прежние времена с пивом в буфете.

Таким образом, даже не рассуждая о манипулировании общественным сознанием, особенно легко осуществляемом как раз при проведении референдумов, мы приходим к выводу, что плебисцитный способ принятия Конституции не просто недемократичен, но, что более важно, изначально нелегитимен, ибо даже не предполагает репрезентативного выявления воли суверена. Вместо последнего России предложено произвольно собранное (безо всяких выборов) Конституционное совещание, на котором участие некоторых представителей политической «элиты» в выторговывании тех или иных поправок к тексту выдается за процесс выработки всеобъемлющего договорного акта о создании нового государства. Жириновский, Черномырдин, Алексеев и Степанов отправляют учредительную власть. Это издевательство не только над передовыми принципами созидания государственности, а уже над самим народом, и лучшим способом не дожидаться самого худшего было бы объявление о том, что согласованный на совещании текст будет предложен Учредительному Собранию. Когда и как его созывать — вопросы, на которые трудно дать однозначные ответы.

Вороватость и некомпетентность власти составляют

трудность номер один. Патологический страх перед открытостью и законностью делают шаги наших «лидеров» труднопредсказуемыми, а собрать полноценную Конституанту без их участия невозможно, потому что необходимо сначала разработать и принять закон о выборах в Учредительное Собрание, а затем провести и сами выборы. Мало того, что в российских коридорах власти не имеют понятия о принципах, на которых строится учредительная власть, там и о государстве господствуют «соборные» представления уровня 1613 года. Интересно, что до сих пор приходится читать о русской соборности как о специфической форме отечественной демократии. И хотя к 93-м году в нашей публицистике уже многократно разъяснено, что соборность есть принципиальный антипод демократии, соборные замашки настолько закрепились в сознании наших государственных мужей, что Конституционным совещанием хотят заменить представительный учредительный орган, а к собственно Учредительному Собранию относятся как к привычному форуму для принятия законов типа Съезда Советов или Съезда депутатов. Трудно говорить с существующей властью о государственном строительстве в условиях, когда один из новоявленных политических авторитетов г-н Костиков свой опус «Регламент гражданского общества» начинает с воздания хвалы государству, причем словами «Российское государство уникально по своим размерам и природному богатству». Автор даже не подозревает, что этой фразой он воспекает огромность количества наших чиновников, одновременно преклоняясь перед их врожденными доблестями. Нам скажут, что он имел в виду территорию, но кто будет в других случаях расшифровывать терминологию государственного начальства?

Власть безотчетно боится Учредительного Собрания, и в этом ее понять можно. И свой страх она вынуждена камуфлировать рассуждениями, направленными на то, чтобы сбить людей с толку. Так, г-н Хасбулатов неоднократно называл Учредительное Собрание «воскрешаемым призраком, который давно отвергла история». То, что он путает историю с матросом

Железняка, удивить не может, но среднему российскому избирателю о Собрании 1917—18 гг. говорили ровно столько и такими словами, что он вполне может поверить спикеру. Особенно распространена в депутатском корпусе байка о том, что в нынешней Конституции об Учредительном Собрании ничего не сказано, оно тем самым неконституционно, а, стало быть, созывать его — значит строить правовое государство неправовыми средствами. На граждан, не знакомых с понятием учредительной власти, действует почти безотказно. В президентской же администрации затирание суверенных прав народа осуществляют при помощи любимой палочки — референдума, либо, грозя на нем принять Конституцию, либо считая, что 25 апреля мы уже новое государство без пяти минут учредили.

Конечно, можно апеллировать к последнему французскому опыту — Конституция Пятой Республики составлена узким кругом политиков в несколько месяцев, после чего затверждена референдумом. Если уже французы так свернули учредительские права народа, то нам и подавно можно. Но во-первых во Франции есть куда более подходящие примеры для копирования, чем авторитаризм де Голля, во-вторых, степень развитости гражданского общества у нас (а, значит, и защищенность от произвола государства) несопоставимо ниже, а, в-третьих, и это самое главное, нам надлежит учредить федерацию, а не унитарное государство. А это очень сложно и мировой опыт здесь невелик. В США, как мы отмечали, он совершенно уникален, мексиканская и бразильская государственности незавидны, в Германии мы имеем лишь неудачный опыт Веймарской республики и нынешнюю Конституцию, принятую в режиме оккупации. О Югославии и вспоминать страшно. Наши же субъекты Федерации еще весьма далеки от законченного осознания себя в качестве развитых элементов гражданского общества. Ведь не будем же мы всерьез нагловатую самоуверенность одного-двух «первых» лиц в области или республике принимать за оформленную волю их населения.

Из нынешней неготовности России к восприятию стабильной Конституции ни в коем случае не следует вывод о том, что сейчас можно позволить властям привычно творить произвол в области государственного строительства. Для начала необходимо, чтобы идея о неотъемлемом праве народа распоряжаться учредительной властью, вошла в толщу гражданского общества. Когда это произойдет в минимально необходимой мере, идея Учредительного Собрания легко возрастет на удобренной почве, так как принцип представительства уже хорошо освоен в России. В настоящее же время власти должны все время ощущать давление со стороны общества, направленное на принятие тех конституционных законов, которые позволят заранее испытать будущий механизм функционирования государства. Особая роль здесь принадлежит закону о выборах, и, конечно же, последующим выборам. Ибо созвать Учредительное Собрание при существующем режиме не представляется возможным.

Можно предположить, что для социальной самоидентификации начинающемуся российскому гражданскому обществу — партиям, профсоюзам, ассоциациям, комитетам самоуправления и т. д. и т. п. — потребуется еще два — три года. Этот срок приблизительно вытекает из нынешних темпов реформирования отношений собственности. И тогда мы не просто сможем избрать Учредительное Собрание (видимо, двухпалатное), но будем готовы выполнить великую задачу всенародного учреждения нового, демократического Государства Российского.

В случае, если нас постигнет неудача, история может не предоставить следующей попытки.

Примечание:

Работа была сдана в печать до известных событий в г. Москве

Зак. 2015. Тираж 500.

*Гортипография Киево-Святошинского района. 252179,
Украина, г. Киев, 79, ул. Львовская, 72.*